

Глава 14. Его Высочество в последнее время чересчур меня балует ...

Пэй Ситин упёрся лбом в каменную стену, придерживая её левой рукой, чтобы не расшибить лицо. Его правая рука была заломлена за спину, колени прижато Шангуан Цзе. Сопротивляться он не мог — и просто смирился.

Через некоторое время оба услышали шаги: снаружи, тяжело дыша, подбегал Чжао И.

— Наконец-то я тебя поймал! — злобно сказал Шангуан Цзе.

Пэй Ситина перевернули и вновь прижали к каменной стене, руки и ноги всё ещё зафиксированы. Он слегка нахмурился:

— Кажется, я ничем не оскорбил юного хоу?

— Притворяешься! — Шангуан Цзе скрипнул зубами. — Это ты пнул меня в башне Фумэн в прошлый раз? Это ты ударил меня кинжалом? Думаешь, у меня память отшибло?!

— Я не нарочно, — невинно ответил Пэй Ситин. — Молодой хоу слишком страшный. Такой трусливый человек, как я, растерялся и не смог себя контролировать. Я даже фамилию свою забыл — какое уж тут «подумать о чём-то ещё».

Шангуан Цзе усмехнулся:

— Так ты ещё и меня винишь?

— А разве нет? — Пэй Ситин взглянул на него, и в голосе прозвучал холод. — Людей на улице — тьма, и я выбрал пнуть именно вас? Потому что вы это заслужили. Такой знатный молодой господин, а совершает низкие поступки — насилие, попытку надругательства... Если бы слухи пошли, разве не смешили бы вы всех гражданских и военных чинов?

Шангуан Цзе вспыхнул:

— Я положил на тебя глаз. Это — твоё...

— Благословение, да? — Пэй Ситин даже слушать этот лай не хотел и закатил глаза. — Ты это «благословение» для себя не хочешь оставить? Или передать господину Шангуану? Всё равно, если сын делится удачей с отцом — это ведь считается проявлением сыновней почтительности, верно?

Шангуан Цзе остолбенел:

— ...Не говори таких жутких вещей.

— Не хочешь слушать — не ищи со мной ссоры, — Пэй Ситин устало ответил. — Дорога широкая. Ты — в одну сторону, я — в другую. Никто никого не задерживает.

— Кто тут ищет тебя? Я просто задал пару вопросов, раз уж увидел. Думаешь, я специально шёл за тобой? — фыркнул Шангуан Цзе. — Не лсти себе.

— Понятно, — Пэй Ситин пошевелил кистью. — Тогда отпустите меня быстрее, а то если братец не найдёт, будет волноваться.

Шангуан Цзе уловил в его словах насмешку, но лицо Пэй Ситина оставалось обычным — да и

откуда бы ему знать о его... мыслях насчёт Цзинтана? Наверное, ему просто мерещится от собственной вины.

Шангуан Цзе кашлянул:

— С каких это пор вы с Цзинтаном так сблизились? Раньше он жаловался мне, что третий брат с ним холоден.

Пэй Ситин удивился:

— Молодой хоу очень осведомлён о делах семьи Пэй, которая, по вашим же словам, — «не более чем мелкая знать из Гуанлу».

Шангуан Цзе:

— ...Можешь не язвить?

Пэй Ситин сделал искренне непонимающее лицо:

— Я просто польщён. Всё-таки вы — знатный человек, а между вами и нашей семьёй Пэй — целая пропасть. Я...

— Хватит! — Шангуан Цзе отпустил его, нахмурившись.

Пэй Ситин потёр запястье и уже собирался уйти, но тот заблокировал ему путь.

— Куда ты делся после того, как я потерял сознание? — спросил он.

— Переночевал в павильоне Мандаринов, на следующий день вернулся, — ответил Пэй Ситин.

— Почему тебя никто не видел по дороге? — подозрительно спросил Шангуан Цзе.

Пэй Ситин улыбнулся:

— Потому что я боялся встретить знакомых. Вдруг кто-то спросил бы, откуда у меня синяк на шее? А если я по неосторожности рассказал бы всё как есть — ваша репутация рухнула бы. Так что я и избегал людей.

Шангуан Цзе фыркнул:

— Значит, мне ещё и благодарить тебя за предусмотрительность?

— Если хотите.

Шангуан Цзе закрыл глаза, глубоко вдохнул, подавляя вспышку гнева, и спросил:

— Ты помнишь вора, который оглушил меня палкой?

— Не помню, — ответил Пэй Ситин. — Он приставил ко мне кинжал, заставил встать на колени и умолять о пощаде. Как я мог разглядывать его и задавать вопросы?

— А ты не слишком-то трусливый, — холодно заметил Шангуан Цзе.

Пэй Ситин искренне удивился:

— Я — смелый?

Шангуан Цзе снова сделал вдох, уже третий за разговор:

— Ты не видел его лицо?

— Нет. Он приказал мне закрыть глаза и повернуться к стене. Я так и стоял. А когда оглянулся — его уже не было, вот я и убежал.

Шангуан Цзе чуть не рассмеялся от его самоуверенного тона:

— Значит, ты не сообщил властям, а просто меня бросил?

— Вы издеваетесь? — Пэй Ситин ужаснулся. — Сообщи я властям, они обязательно начнут расспрашивать. И тогда — виноват я: скрыл ли, не скрыл ли. Даже если вам не страшно выглядеть смешно, мне — страшно оказаться в управе и путаться в объяснениях. А что до вашей безопасности... — он понизил голос, — кто осмелится убить знатного молодого господина прямо в башне Фумэн? Это же самоубийство.

Шангуан Цзе уже готов был взорваться, но Пэй Ситин тем временем обошёл его и пошёл прочь.

— Стоять! — Шангуан Цзе бросился за ним. — Что ты делаешь на горе Байю? Здесь всякий люд водится, не то что в столице. Тебя могут похитить.

— Не переживайте. После урока, преподанного молодым хоу, я больше никому не верю, чтобы снова не попасться, — Пэй Ситин улыбнулся, а прежде чем Шангуан Цзе успел разозлиться окончательно, спросил: — А вы тут что делаете?

— Конечно, расследую дело, — Шангуан Цзе шагнул ближе и наступил ему на носок. Но Пэй Ситин не отступил, лишь спокойно посмотрел на него — глаза чистые, как родниковая вода, холодные и прекрасные.

Шангуан Цзе на миг растерялся, но тут же резко сменил тон:

— Предупреждаю: если осмелишься проболтаться о том, что По Иньлинь украли — я тебя не прощу!

Оказалось, что кинжал называется По Иньлинь. Пэй Ситин подумал: «Маскированный парень стоит больших денег в подземном мире, и эта толстяко-худющая парочка тоже выглядит довольно известной. И что любопытно — всем им нужен По Иньлинь. Неужели причина действительно лишь в том, что кинжал когда-то принадлежал дворцовой казне?»

— Я с тобой разговариваю! Оглух? — вывел его голос из задумчивости.

Пэй Ситин очнулся, изобразил перед Шангуан Цзе беспомощное выражение в духе «Да-да, о чём ты? Ничего не слышу» и повернулся, собираясь уйти.

Шангуан Цзе хотел броситься вдогонку, но один из стражников подбежал сзади и шёпотом доложил:

— Юный господин, покупателя убили, хозяин Ци не знает, куда делся По Иньлинь, и... новость о пропаже По Иньлиня уже просочилась наружу.

— ...Чёрт. — Шангуань Цзе мрачно развернулся. — В Восточный дворец.

На столе для живописи лежали два свитка — у обоих оси были сделаны из белого сандала, головки осей украшены белым нефритом. На парчовой ленте и на нефритовой бирке значилось всего два иероглифа мелким печатным письмом: «Вэньцзюань».

Два свитка: один — портрет, другой — пейзаж.

На портрете была изображена женщина, танцующая на травянистой поляне: изящная, яркая, с развевающимися одеждами, улыбкой в бровях и глазах, мерцающим взглядом. Глаза наследного принца затуманились, будто ослеплённые белой вуалью, слетающей с её рукавов, и лёгким ароматом роз.

Повернувшись к пейзажу, он видел нагромождение скал, где каждый штрих и линия будто превращались в голову, лицо, глаза, руки и ноги живого существа; целостность композиции, движение и глубокий замысел переносили зрителя в горы, где прохладный ветерок и журчание родников звучали рядом.

Только исполненное чувств сердце способно создать искусство, которое так тонко откликается миру: свободно парит и в то же время сливается с ним, способное тронуть даже бездушного.

Перед глазами наследника всплыло лицо «Пэй Вэньцзюаня»: брови — словно синие горы, глаза — мерцающие. Явно хитрый, дерзкий лис, что не любит клеток и жаждет свободы.

Юй Шаюнь лёгкой поступью вошёл в зал, сложил руки в приветствии и сказал:

— Юный хоу Шангуань просит аудиенции.

Наследный принц опустил конскую плётку и сказал:

— Погода становится жаркой и влажной, картины лучше не развешивать. Просушите их на солнце и положите в короб с письменами на полку.

Стоящий рядом главный делопроизводитель Восточного дворца поднял руки и почтительно ответил.

Юй Шаюнь улыбнулся и предупредил:

— Линь-чжубу*, будьте осторожны, когда будете складывать их в короб. Его Высочество выкупал эти две картины по высокой цене, должно быть, они ему очень нравятся.

Линь-чжубу с видом «Вы сорвали слова с моего языка» кивнул. Если бы не нравились, разве стал бы Его Высочество лично оформлять их в рамы? Да и вообще — это уже восемнадцатый раз, как он приходит любоваться ими!

Они последовали за наследным принцем. Линь-чжубу сказал:

— Я слышал, что до сих пор есть люди, разыскивающие эти две картины. Но кто такой этот художник «Вэньцзюань», откуда он взялся — неизвестно. Будто бы возник из воздуха.

— Я знаю. — Юй Шаюнь сделал сальто на выходе из дворца, его конский хвост взметнулся. — Он совсем юноша, и выглядит потрясающе — такой же яркий и незаурядный, как и его картины.

Линь-чжубу похвалил:

— Одна картина — жанровая, другая — пейзаж. Первая живая, вторая изящная. Молодой художник действительно выдающийся.

Спускаясь с павильона Чжэньсянь, несколько человек прошли по коридору вперёд. Проходя над озером, они увидели в центре павильона юного дворянина, стоящего с заложенными за спину руками и читающего. Завидев наследного принца, мальчик поспешно поклонился. Юй Шаоюнь и Линь-чжубу тоже быстро ответили поклонами.

Наследный принц всего лишь скользнул по нему взглядом и продолжил путь.

— ... — Цзун Лу крепче сжал книгу, смотрел вслед исчезнувшему в конце коридора принцу и опустил голову в разочаровании.

— Маленький принц, пожалуйста, не печальтесь, — евнух поднял чашу с охлаждённой бобовой водой и привычно стал утешать Цзун Лу. — Его Высочество направляется в передний зал, там чиновники... Это не значит...

— Это не значит, что он не хочет меня видеть — Евнух Лай, ты говорил это тысячу восемьсот раз. — Цзун Лу отпил из фарфоровой чаши, вернул её евнуху и буркнул: — Ты что, считаешь меня глупым? Я не глупый.

Евнух Лай закивал:

— Да-да, как можно! Вы самый умный юноша на свете!

Цзун Лу фыркнул, снова сел за каменный стол, раскрыл книгу и спросил:

— Почему Пятый дядя в последнее время всё время ходит в павильон Чжэньсянь?

Евнух Лай, человек осведомлённый, ответил:

— Слышал, Его Высочество купил две картины, которые ему очень понравились.

Цзун Лу задумался: Пятый дядя редко что-либо любит... Если я куплю ему картину, он обрадуется?

— Дарить подарки надо так, чтобы угодить вкусам получателя, — согласился евнух Лай, — но... у Его Высочества высокие требования. Обычные картины ему не угодят.

— Но ведь он только что купил две картины? — сказал Цзун Лу. — Узнай, откуда они, и запомни...

Невинное, будто выточенное из нефрита лицо приняло серьёзное выражение. Он строго предупредил:

— Только не вздумай рассказывать Пятому дяде. Я хочу сделать ему сюрприз.

— Да-да-да! — Евнух Лай заулыбался. — Я ни за что не скажу Его Высочеству!

*древний официальный титул для человека, занимающегося бумажной работой и документами

<http://bllate.org/book/11881/1062093>